

Можно ли остановить революцию?

Андрей Чертищев

Великая Русская революция: смысл и его интерпретации

Двадцатый век поколебал гегелевский принцип мирового исторического процесса – «Все действительное разумно» принцип, который в тревожных спорах осваивали русские мыслители XIX в. Во времена полного торжества бесчеловечности стало очевидным, что все созданное насилием бессмысленно и бесполезно, не имеет будущего, но не проходит бесследно.

Великая Русская революция оставила глубокий след в истории нашей страны и всего мира. В России революция и ее оказывали влияние на жизнь общества на протяжении большей части XX в., и, возможно,

этот процесс еще не завершился. Может быть, лишь за исключением китайской революции, революция в нашей стране была самой кровавой и самой длительной в истории, и она вполне может соперничать с Великой французской революцией, также оказавшей громадное влияние на мир, хотя есть мнение, что российская катастрофа куда шире французской и по своему охвату, и в особенности куда глубже, радикальнее по предпринятой ею перестройке и осуществленному разрушению¹.

Россиянам не нужно напоминать, что революция была трагическим событием. Она принесла не только

ЧЕРТИЩЕВ Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры философии Московского университета МВД России. *E-mail:* chertishchev@mail.ru

Ключевые слова: власть, Русская революция, контрреволюция, реформы, дезорганизация, массы, идеал, смута.

огромные человеческие страдания, но и надежды на лучшую жизнь. Впоследствии идеи революции были преданы, а российский народ оказался расколот на десятилетия. Этот раскол не преодолен и по сей день. Вместе с тем принцип постсоветского режима, основанный на полном отрицании целей и действий, ассоциируемых с революцией и советской системой, и следовании своим собственным курсом антиутопии, чреват движением к новой национальной катастрофе.

Чтобы правильно выбрать путь, куда идти России в современных условиях, необходимо вернуться к точке отсчета, понять, что в начале века XX в. сделано не так. Поэтому вопрос о смысле русской революции, несмотря на кажущуюся его теоретичность и отвлеченность, есть, несомненно, основной практический вопрос нашего времени, так как ответы на него определяют понимание общей картины происходящего, а также истолкование фактов и выбор путей будущего.

Сегодня существуют благоприятные возможности адекватного осмысления этих важнейших исторических событий, ибо их отделяет от нас значительный промежуток времени, смена нескольких поколений историков, что позволяет избежать наслоений лично пережитого на анализ исторических реалий прошлого. Более того, сегодня мы можем видеть и саму революцию, и систему, порожденную ею, в ретроспективе – ее начало, середину и конец.

История Великой Русской революции представляет ныне причудливую мозаику различных представлений о ней. Мысли о том, что пора по-

новому посмотреть на значение 1917 г. для нашей страны и мира в целом, что назрело время попытаться реинтерпретировать Россию и ее историю, вряд ли кто воспринимает негативно. Однако историческое сознание предпочитает осовременить прошлое, вместо того чтобы беспристрастно взглянуть в него ради понимания настоящего и будущего. Эти взгляды стимулирует тот факт, что история революции 1917 г., несмотря на постоянное внимание к ней российских и зарубежных исследователей, все еще, по их собственному признанию, представляется туманной, упрощенной и мифологизированной, что явно осложняет объективную оценку и осмысление данного исторического явления.

Современная научная мысль уходит от всякой новой постановки проблемы о причинах революции, довольствуется устаревшими теориями о том, что ее сделали германские шпионы, еврейская плутократия, что она результат «генеральского» или масонского заговора. Результаты революции по-прежнему трактуются исключительно как «национальная катастрофа»² или, в современной интерпретации, как «цивилизационный откат»^{2, 3} в историческом развитии России и даже как «слом национального цивилизационного кода»³ страны. Происходит подмена их очередными мистификациями, демонизациями и эстетизациями российских смут, для этого используется сочетание вульгарной социологии («смуты периодически сметают династии») и «метаисторических» фантазий («способность России принять в себя весь мрак человеческой природы, чтобы найти вселенское противоядие»)⁴. И

уж совсем интригующе выглядят предложения объяснить революции и людей, возглавивших их, довольно неприличным способом: комплексом сексуальной неполноценности⁵.

Нет задачи более бесплодной, чем задача определить существо революций вообще, ибо они не происходят и не завершаются одинаково, за исключением самых первичных и общих положений или чисто внешних форм проявления. Но содержание, наполняющее эти формы, разнообразится и индивидуализируется в

революциях, отличающихся по стилю и характеру. Все это напоминает шахматы – одна доска и разные по значимости фигуры; но шахматная доска истории, как и игра на ней, значительно сложнее, ибо фигуры передвигаются иногда не по правилам, а вопреки правилам и неожиданными зигзагами.

Задача исторической науки состоит в обобщении фактического хода революции и типологическом конструировании, а также в выявлении их существенных моментов.

Революция-идея и революция-действие

Существует расхожее мнение, что революция не может быть успешной, так как она никогда не достигает своих целей. К таковой с полным основанием можно отнести Великую французскую революцию, самым значимым результатом которой было формирование демократической республики, располагающей конституцией, законно избранной ассамблей и свободой политических дискуссий. Следует согласиться и с мнением Ю.С.Пивоварова, который считает одним из самых больших заблуждений устоявшееся мнение о том, что революция 1905–1907 гг. была «неудачной», «незаконченной» и её следует рассматривать как «репетицию» или «прелюдию» к 1917 г., т.е. настоящей революции. С его точки зрения, эта революция, во-первых, была успешной (насколько вообще революция может быть успешной, ведь это всегда трагедия), а во-вторых, вполне сопоставимой с некоторыми европейскими революциями, например 1848–1849 гг. Причем сопоставимой и по характеру, и по ин-

тенсивности, и, главным образом, по результатам. Главная удача революции 1905–1907 гг., по мнению Ю.С.Пивоварова, состояла том, что она завершилась компромиссом между властью и обществом, а не победой одной из этих двух сил. Результатом этого компромисса стала Конституция 1906 г., широкая политическая реформа и столыпинское преобразование страны. Это был в высшей степени взаимовыгодный компромисс власти и общества. Революция была удачной еще и потому, что ни власть, ни общество не взорвали народ. Народный мир, пережив волнения и повышенное напряжение, все-таки устоял, сохранил равновесие⁶.

Следует учитывать и такое обстоятельство, как необходимость различать революцию как идею социального переустройства в широком понимании (революция – идея) и революцию как реализацию этой идеи (революция – действие). К ним вполне применима мысль Оноре де Мирабо (1749–1791 гг.) о том, что между

теоретиками и политическими деятелями та же самая разница, как между теми, кто передвигается по географической карте, и теми, кто путешествует по земле⁷.

Вполне уместным выглядит и следующее наблюдение Ф.Энгельса: «Люди, хвалившиеся тем, что сделали революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали – что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать»⁸.

Сводить революцию только к непосредственному кульминационному революционному акту захвата власти, значит упрощать и принижать ее значение. Революция не только разрушительное и кровавое действие в жизни общества, но это прежде всего идея его радикального социального переустройства.

Совершенно неслучайно до сих пор революционеры Нового и Новейшего времени клянутся верности «идеалам Великой французской революции» или «идеалам Великого Октября», несмотря на то что эти революционные акты свершились соответственно более 200 и около 100 лет назад. Для них эти идеалы вечны, как и сама идея революции.

Иногда человек стремится разрушить окружающий мир не ради самого процесса уничтожения, а ради великой цели и прекрасного идеала. Вполне естественно, что между идеалом и окружающим ненавистным миром не должно быть ничего общего. В качестве подобного идеала может выступать либо не имеющая аналогов в истории модель совершенного общества, либо образ чужой цивилизации. Но если между идеалом и реальной действительностью нет ничего общего, то как его достичь? Естественным ходом событий

одно во второе не превратится, а если и превратится, то унаследует ненавистные черты и будет вызывать те же чувства. Вывод один: общество – это механизм, создаваемый и развиваемый людьми, поэтому его жизнь и будущее можно и нужно свободно конструировать и перестраивать.

Глубочайшая вера революционно-го сознания в реальность своего социального идеала способна беспощадно разрушать сложившуюся действительность. К революции не относятся как к радикальной социальной реформе, в ней хотят видеть всеобъемлющее преобразование всех сторон жизни или установление на земле материалистического подобия райского благополучия. Люди в таком состоянии духа, состоянии одержимости социальным разрушением были готовы принять революцию как нечто прекрасное, чудесное, приносящее избавление от всех земных несправедливостей.

Отсюда требования любой революции к жизни чрезвычайно завышены и не могут быть реализованы в конкретной ситуации. Идея «земного рая», «светлого будущего», «общества социальной справедливости» и тому подобные утопии принципиально неосуществимы в действительности, но революционный идеализм не способен согласиться на что-то меньшее, так как верит в социальное переустройство мира и возможность достижения социального идеала абсолютно так же, как верит в загробную жизнь верующий человек.

Реализация стремления к утопическому революционному идеалу абсолютного счастья имеет бесконечное число путей. Отсюда бессчетное

количество либеральных, социалистических, анархических и других проектов достижения этого «социального счастья», каждый из которых не устраивал революционеров, придерживавшихся других проектов. Последствием возможной временной победы одного революционного проекта над другими была неизбежная резня внутри революционного движения.

Относительно конечной цели революции мнения также были самые разнообразные: одни предлагали сделать все, как в Англии, другие – как в Германии, а третьи полагали возможным ориентироваться не на существующие образцы, а исключительно на марксизм. Но все были единодушны в одном: необходимо тотальное разрушение исторической России. В сознании революционеров произошло отождествление понятий «Россия» и «Зло». И отсюда появилось стремление бороться не со злом и пороками в России, а с Россией как источником зла⁹. Медленно, но неуклонно они формировали общественное мнение, вводили в сознание нации совершенно определенный комплекс идей: русские – нация рабов, Россия – тормоз на пути прогресса человечества, русская история – всегда отсталость, темнота и дикость. При этом главной причиной такой ненависти была не злая воля, а совершенное незнание русскими же России.

Материальной силой, разрушающей устои существующего строя, как правило, выступала масса, чья душа – «неисследованный лабиринт, глубокая пропасть и несущийся к свету утес»¹⁰. Масса любопытна, как все темные массы, как дети, как ди-

кари. Её психология – психология ожидания обещанного чуда, чем больше было обещано, тем нетерпеливее было ожидание. Чуда же все нет, а массам хотелось видеть, как будет переустроено общество. Массу нельзя привлечь сложными идейными конструкциями и рациональными аргументами, а лишь понятными и способными мобилизовать лозунгами, мифами и символами.

Здесь уместно вспомнить Г. Лебона, который писал: «Гениальные изобретатели ускоряют ход цивилизации. Фанатики и страдающие галлюцинациями творят историю»¹¹.

В контексте рассматриваемой проблемы к этому следует добавить и некоторые национальные особенности русского человека: любовь русских ходить по краю пропасти и заглядывать в нее слишком глубоко¹²; русские не любят теорий, не доведенных до конца и не пытающихся воплотиться в политическую или социальную реальность¹²; русский человек поставлен историей перед необходимостью брать из общечеловеческого опыта непременно последнее слово, брать игольчатое ружье (пулемет, магазинное ружье), а не кремневое⁷; русский человек легко соглашается на роль жертвы дьявольского обмана, но никак не готов признаться в собственном недоумении ни в прошлом, ни в настоящем².

Осознавая данные обстоятельства, вполне понятно недоумение В.В.Вересаева в диалоге с Е.Д.Кусковой еще в 1899 г.: «Что вы такое проповедуете? Реализм? Учет факторов? Боязнь фантомов? Где вы это проповедуете? В России? Но ведь ваш реализм здесь, в России, самая буйная из утопий...»¹³.

Таким образом, революция первоначально возникает в умах людей. Ожидание революции сравнимо с ожиданием второго пришествия. Ожидание нового в революции до того фантастично и до того фанатично, что одна психологическая сила этого ожидания приближала прише-

ствие революции в Россию лучше, чем все митинги и забастовки, вместе взятые.

Это состояние очень хорошо уловил И.А.Ильин, который утверждал: «Революция зарождается в стране не в момент уличных движений, но в тот момент, когда в душах начинает колебаться доверие к власти, поэтому тот, кто расшатывает это доверие, вступает на путь революции»¹⁴.

Революцию как идею разрушения действительности во имя утопического «социального рая» остановить ни теоретически, ни тем более практически не представляется возможным, ибо никогда не может быть полного удовлетворения от любого, даже уже реализованного плана. А русский народ, сорванный с цепей истории революцией, хотел получить все и сразу.

Возникнув и укоренившись в сознании, революция-идея не могла не трансформироваться в революцию-действие. Следует отметить, что общество есть адаптивно-адаптирующая система, т.е. способно не только приспособливаться к окружающей среде, но и изменять ее в силу возможностей соответственно своим интересам.

С точки зрения системного подхода динамику общества можно представить как импульсы инновационной энергии, идущие от индивидов и их сообществ, нарушающих равновесие системы. Механизмы функционирования гасят эти колебания, однако общество тут же использует новые, приобретаая в результате новое качество. Изменения могут быть малозаметными и постепенными, если инновационная энергия невелика, рассеяна в социальном пространстве. В этом случае целостность цен-

ностно-нормативного порядка практически не меняется, а новые явления интегрируются в него.

Если же инновационная энергия резко возрастает, может произойти кардинальное обновление общества. Признаками флуктуации, нарушающей работу механизма поддержания его целостности, являются:

- невозможность или нежелание большей части людей ориентироваться на сложившиеся статусно-ролевые предписания;

- неэффективность механизмов институализации, т.е. неспособность как воспроизводить сложившиеся связи, так и интегрировать новые взаимодействия;

- кризис легитимности, утрата доверия людей к ценностно-нормативному порядку¹⁵.

В результате система оказывается неспособной удерживать индивидов и некоторых социальных субъектов в привычных институциональных рамках, и они впадают либо в депрессию, либо становятся активными, руководствуясь сиюминутными интересами, и перестают воссоздавать имеющиеся структурные связи, определяющие облик общества, что ведет к революции или смуте.

Общество всегда стоит перед опасностью революции, а его здоровье, зрелость заключаются в постоянном преодолении возможной революции. Революция не есть самоупразднение рушащегося строя. То была бы не революция, а естественная смерть без потрясений и борьбы. Революция есть восстание против старого порядка непримиримых с ним сил.

Но восстание предполагает непрерывное наличие деятельных сил,

способных к энергичному движению, которые не всегда бывают благодетельными. Где все мертво и неподвижно, там революции быть не может. Где деятельные силы находят себе удовлетворение в процессе свободного творчества, там тоже не может возникнуть революции, так как там восторжествует процесс органического жизненного роста.

Революция – это результат встречи старого отмирающего порядка, но еще достаточно упорного для сопротивления враждебным ему силам и этих самых враждебных сил, постепенно вызревших в рамках старого порядка, но для своего проявления нуждающихся в ниспровержении уже тесных для них рамок. От такой встречи и происходит революционный взрыв.

Можно согласиться с выводом В.П.Булдакова о революции как проявлении системного кризиса сложноорганизованной системы и его повторяемости в российской истории. Проблема революции – это проблема стабильности или нестабильности исторического существования определенного типа государственности².

По выражению П.Рысса, «Россия была страной господ и рабов, высшего духовного развития и низменной дикости, величайшего благородства и скотской подлости... Чем чернее становилось правительство, тем краснее становилось общество образованное и некультурный народ. Не имея политико-социального центра, т.е. буржуазии, страна была черно-красной»¹⁰.

Диалектика революции и контрреволюции

Революцию не следует рассматривать исключительно как акт разрушения, аномалию, конец старого, его рассыпающуюся дряхлость.

Поэтому естественно, что их взаимодействие строилось на принципе «квадратуры круга»: усиление реакции вело к усилению революционного движения, усиление революционного движения – к усилению реакции.

Можно утверждать, что проблема российской революции тесно связана с революционностью самой власти. Её беспомощность и бесконтрольность оборачиваются тем, что ее неосторожные шаги становятся шагами в пропасть, что невольно провоцирует народ на смуту.

Искусственно задержанная эволюция обязательно превращается в будущую революцию, как и особенности самого эволюционного развития России.

По мнению А.Н.Потресева, российская революция произошла не от полнокровия, а от худосочия – невозможности решения проблем при старом режиме¹.

Кризис связан не просто с крайним обострением неверия во власть, но еще в большей степени неверия власти в самое себя, что практически парализует управленческие возможности государства и с высокой долей вероятности может привести к резонирующему импульсу, способному обрушить всю систему. Но даже в таких критических ситуациях система, подобная российской, становится не просто слабой, но и слепой, неспособной распознать угрожающие ей опасности и самоубийственно стремящейся к собственной гибели.

Да, это болезненный кризис в жизни народов, но потребность обновления все же определяет его фундаментальное содержание. Она лежит в основе

возникновения всякой революции, столкновения социальных сил, которые движут ею, а также целей, которые революционное общество должно так или иначе решить. Каковы бы ни были превратности Великой Русской революции, она вывела страну на путь обновления. Революция, безусловно, способ снятия существующих проблем. Она насильственно оголила и провела кровавое очищение затянутых «жиром благополучия» духовных и государственных основ России, стала своеобразными «апокалиптическими весами» традиционного русского общества, идущего по пути модернизации и парадоксально нашедшего свою гибель на взлете.

Процесс революции есть прежде всего процесс дезорганизации государства и общества. По степени продвинутости этого процесса различаются три основных этапа.

На первом этапе расстройство государственной жизни преодолевается самой государственной организацией.

Второй определяется тем, что дезорганизаторский процесс поражает саму организацию, а преодоление этого процесса производится уже не ею, а силами, в ней выросшими и оформившимися. Здесь старый строй уже не восстановить, но новый устанавливается на основе преемственности с его значимыми факторами.

На третьем этапе расстройство государственной жизни, организационные связи старого строя распадаются настолько, что восстановление возможно только из продуктов распада, которые образуют соответствующую им новую организован-

ность. В этих условиях власть способна только имитировать свое присутствие, господствующим начинает чувствовать себя толпа, а страна неуклонно скатывается в неуправляемое состояние.

Возможно ли остановить этот процесс «углубления» революции, когда деструктивные, разрушительные начала в ней становятся абсолютно доминирующими по сравнению с началами обновления? Имеются ли силы внутри революционного процесса, способные это сделать?

Категорически отрицал саму возможность влияния на ход революции император Наполеон, который, находясь уже в ссылке, заметил, что «революцию нельзя ни начать, ни остановить»¹⁶.

Вместе с тем, как только Конвент набрался храбрости, с Робеспьером было покончено, а сам Бонапарт, согласно бессмертному уподоблению Барбье в его «Ямбах», сумел в надлежащий момент вскочить на коня, оседлать Францию и затем ездил на этом взнузданном коне до тех пор по всем закоулкам Европы, пока конь до конца не изъездился и не упал от полного истощения сил¹.

Подобных взглядов придерживались М.И.Скобелев¹⁷, И.Л.Солоневич¹⁸, американский историк русской революции Р.Даниэлс¹⁹ и др.

Свои мысли у В.П.Булдакова: «Единственный способ умиротворить стихию – дать ей выдохнуться. Звучит цинично, но так и было. Во Французской революции случилось то же самое. Это общая социально-психологическая проблема, а не вопрос о принципиальном сходстве двух революций. В конечном счете российская историческая власть выиграла оттого, что маргиналы и диссипанты обескровили друг друга»².

Получается, что, говоря словами, которые Оскар Уайльд вложил в уста китайского муд-

реца, нельзя управлять человеческим родом, можно лишь оставить его в покое²⁰.

Диаметрально противоположных взглядов придерживался Г.В.Плеханов, подавляющее большинство русского генералитета времен Первой мировой войны и революции¹⁷, а Г.П.Федотов в контрреволюции видел один из шансов России²¹.

Генерал Н.Н.Головин рассмотрел обозначенную нами проблему в несколько ином ракурсе, видя в контрреволюции одну из сторон диалектически развивающегося процесса революции. Каждая революция, по его мнению, даже такая, которая приводит к освобождению народов, в своей основе построена на насилии. Она начинается с актов разрушения и, следуя законам социальной психологии, по мере своего развития становится все более и более разрушительной силой. Разбушевавшаяся стихия разрушения может быть остановлена только силой. Эта сила и создается контрреволюционным движением.

Если революционный процесс останавливается контрреволюцией раньше, чем он разрушил омертвевшие ткани старого режима, то контрреволюция легко превращается в реставрацию. Если же революционный процесс останавливается контрреволюционными силами после того, как эти омертвевшие ткани разрушены, но разрушительный процесс не затронул еще живые ткани государственного организма, то революция приобретает творческий характер.

На расчищенном пронесшейся бурей поле творческие силы народа создают новые формы политической и социальной жизни. Такой и была Французская революция XVIII в., завоевания которой были закреплены

контрреволюцией во главе с генералом Бонапартом. Наконец, если контрреволюционный процесс не в состоянии остановить разрушительные силы революции на определённом этапе, то революция становится регрессивной и разрушает производительные силы государства и народа¹⁷.

Следует особо подчеркнуть, что нет никаких достаточных и убедительных научных оснований связывать революцию с прогрессом, а контрреволюцию – с регрессом.

Знаменательные по данному поводу сказал В.Д.Набоков на Московском государственном совещании: «Не та контрреволюция страшна, которая зреет в скрытых заговорах и выходит на улицу с оружием в руках. Страшна та контрреволюция, которая под влиянием происходящих кругом ужасов начинает зреть в наших сердцах и умах... Борьба с ней не есть борьба словами, как бы громки и сильны они ни были. С ней нельзя бороться железом и кровью. С ней можно бороться единым разумным государственным творчеством власти... Нам хотелось бы, чтобы был найден вновь тот общий язык, который связывает, а не разъединяет те слова, которые... должны звучать как голос всей нации...»¹⁷.

Противостоящее революции контрреволюционное движение представляет собой чрезвычайно сложный комплекс, в состав которого входят и реставрационные надежды, и национализм, протестующий против разрушения государства, и, наконец, демократические силы, которые хотя и участвовали в начале революции в разрушении стеснявшего социальный прогресс старого режима, но стремятся остановить революционный процесс на уровне, представляющем благоприятные условия для развития их политических и социальных идеалов. Силы, входящие

в состав контрреволюционного движения, столь многообразны, что часто идей, объединяющей это движение, служит не общая политическая платформа, например, какой-либо общий политический или социальный идеал, а только идея негативного характера, а именно борьба против разрушительных сил революции. В этом случае построение контрреволюционного движения становится особенно сложным. Отсутствие общей объединяющей политической или социальной идеи приводит к тому, что внутри самого контрреволюционного движения возникают разлагающие его процессы¹⁷.

Основу контрреволюционного движения в Великой Русской революции составлял офицерский корпус, к которому позднее присоединились казачество и юнкера. Все остальные сословия в нем были представлены слабо. Либеральные и умеренно-социалистические круги скорее препятствовали, чем способствовали развитию контрреволюционного движения. Более всего это утверждение относится к «революционной демократии», которая понятие «контрреволюция» неразрывно связывала с реставрацией, а потому боялась всякой контрреволюционной силы и считала себя ближе к большевикам, чем к соседям справа. Все это способствовало тому, что движение лишилось политического руководства и его действительными руководителями и вождями были исключительно военачальники. Неудача корниловского выступления обозначила первые трещины в составе контрреволюционных сил.

Идейными истоками русского контрреволюционного движения

следует считать патриотизм и стремление к созданию сильной национальной власти, которая спасет Россию. Утверждать же о наличии в нем реставрационных вождедений достаточно веских оснований нет, ибо с отречением Николая II российский абсолютизм уже прошел свою точку невозврата. С приходом к власти большевиков контрреволюционное движение превращается в антибольшевистское, и этот термин точно обозначает ту негативную политическую и социальную идею, которая объединяет все последующее течение русской контрреволюции.

Отсутствие каких-либо серьезно противодействующих сил в первоначальный период революции является наиболее характерной особенностью Русской революции. Это же отсутствие обуславливает и особенности русского контрреволюционного движения: старый режим был настолько психологически подорван, что зарождение контрреволюционного движения не могло произойти во имя каких-либо контрреволюционных идей.

Подготовка Русской армии к наступлению и формирование отборных частей не могло не отразиться на состоянии реставрационных сил. Это было не что иное, как самозарождение этой действующей силы, когда сам организм армии вырабатывал в себе противоядие против отравления революционным ядом, хотя контрреволюционное значение этих формирований оставалось скрытым от большинства участников. Провал наступления привел к частичному перелому в настроении масс, стал временной остановкой в его революционизировании. Такое затишье

могло быть и началом более длительного успокоения, и затишьем перед новой бурей. Первой вспышкой контрреволюционного движения стало выступление генерала Корнилова, которое оказалось неудачным.

Таким образом, наиболее благоприятным временем для решительных действий русской контрреволюции следует признать промежуток между провалом наступления Русской армии, неудачей июльского мятежа в Петрограде и до корниловского выступления, когда была налицо падение революционных настроений и подъем контрреволюционных. Неудача же корниловского движения превратила российские реалии в свою противоположность: она вызвала разногласия и колебания в контрреволюционном лагере и новый высокий подъем революционной волны.

Угроза основам государственности является важнейшим обстоятельством и условием принятия необходимых мер, препятствующих углублению революции. К таким относятся:

- быстрое создание сильной национальной власти, пользующейся авторитетом у масс и вселяющей веру, что эта власть обладает реальной силой. Не искать наиболее прогрессивные формы демократии, а, учитывая политическую незрелость народных масс, использовать более понятные формы народовластия, не исключая, при острой необходимости, введения и военной диктатуры;

- внушение народным массам веру в то, что власть способна осуществить их чаяния, пробужденные падением старого режима, и реализовать идеи, соответствующие жела-

ниям этих масс, незамедлительно решить в их интересах ключевые вопросы революции – аграрный вопрос и вопрос о войне и мире;

- создание в кратчайшие сроки правового поля деятельности власти; издание законов, понятных массам, вплоть до чрезвычайных, и обеспечение их настойчивого и решительного проведения, не останавливаясь перед использованием крайних форм насилия, ибо других инструментов в борьбе с насилием не существует;

- памятуя, что революции начинаются в столицах и только потом распространяются на периферию, наведение в столицах и других крупных городах порядка;

- концентрация в руках верховной государственной власти достаточной силы для противодействия антигосударственным стремлениям. Такой силой в условиях участия России в Первой мировой войне могла быть только действующая армия. Быть реальной силой, а не казаться ею власть могла, только оперевшись на действующую армию, но и развал этой силы могла остановить исключительно власть. В качестве первоочередных, самых неотложных мер следовало добиться сохранения воинской дисциплины и боеспособности вооруженных сил, изъяв из них без излишнего подчеркивания и не делая это изъятие программным безусловно вредный, разлагающий элемент;

- заручиться на определенных условиях, не унижающих достоинство России, поддержкой союзников.

Прекрасно понимая, что достижение результата по ограничению «углубления» революции возможно как резонирующий импульс предложен-

ных мер в самые сжатые сроки, и допуская сравнительно небольшую вероятность их успешной реализации, автор все же остается сторонником необходимости и возможности ограничения разрушительных реалий революционного процесса.

Следовательно, нелинейность, случайность и необратимость в общественной сфере реализуют себя через человеческую свободу. Политика, в этом смысле, будучи сообразна с внутренним строем и движущими силами социальной и духовной жизни, действуя в границах универсальной (общеобязательной) нормы, выступает вместе с тем как инновационный процесс создания новых властных статутов и новых отношений в целом. Такая установка означает опору не только на отечественную традицию.

В наши дни требуется особо внимательное отношение к проблеме осознания национально-государственных интересов. Для России сегодня они не сводятся непосредственно к задачам выхода страны из кризиса, но прежде всего определяют ее перспективы и в плане внутреннего «домоустройства», и с точки

зрения ее места в мировом сообществе. Вряд ли подавляющее большинство россиян с воодушевлением воспримут такую целевую установку Г.Шпета на будущее России: «Россия должна отказаться от мировой политики, перейти на роль второстепенного или даже третьестепенного государства, заняться внутренним устройством и культурой, культурой, культурой, тогда она не погибнет вовсе, даст новых людей и новый “патриотизм”. Если Россия не смирится с этим, она будет стерта с лица земли. Всякий иной патриотизм я считаю теперь ложным»².

Все это требует отказа и от идеологии плоской вестернизации, и от примитивно понимаемого почвенничества. Только люди, которые знают, как можно организовать помимо власти, независимо от власти, вопреки власти и с самой властью, могут постепенно создавать структуры, которые действительно станут опорой государственности. Отсюда следует один из главных уроков Великой Русской революции: не обновлять историю революции в угоду каким угодно целям, а представлять ее такой, какой она была в действительности.

Примечания

¹ Потресов А.Н. В плену у иллюзий. Париж, 1927. С. 5, 11, 63.

² Труды по руссиеведению. С. 11, 440, 97, 371, 372, 394, 494.

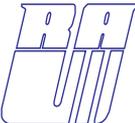
³ Русский Исход как результат национальной катастрофы. К 90-летию окончания Гражданской войны на европейской территории России. Материалы международной конференции. М., 2011. С. 212.

⁴ Булдаков В.П. Революция как миф и проблема российской истории // Труды по руссиеведению: Сб. научных трудов. М., 2009. Вып. 1. С. 70.

⁵ Солоневич И.Л. Диктатура импотентов. Социализм, его пророчества и их реализация. Буэнос-Айрес, 1949; Глебова И.И. Павшая власть – падшая власть // Труды по руссиеведению. М., 2009. Вып. 1. С. 139.

⁶ Пивоваров Ю.С. О русских революциях: послесловие // Труды по руссиеведению. М., 2009. Вып. 1. С. 31–33.

- ⁷ Цит. по: *Маклаков В.* Из прошлого // *Современные записки.* Париж, 1927. № 32. С. 313, 332.
- ⁸ *Энгельс Ф.* Письмо Вере Ивановне Засулич в Женеву, Лондон, 23 апреля 1885 г. // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд. Т. 36. С. 283.
- ⁹ *Гумилев Л.Н., Панченко А.М.* Чтобы свеча не погасла. Диалог. Л., 1990.
- ¹⁰ *Рысс П.* Русский опыт: Историко-психологический очерк русской революции. Париж, 1921. С. 202, 6, 10.
- ¹¹ *Лебон Г.* Психология народов и толп. М., 1898. С. 133.
- ¹² *Ефимовский Е.* Истоки и параллели // *Возрождение.* Париж. 1956. № 60. С. 21, 20.
- ¹³ *Кускова Е.Д.* Об утопиях, реальностях и загадках // *Современные записки.* Париж, 1930. № 26. С. 362.
- ¹⁴ *Ильин И.А.* О сущности правосознания. М., 1993. С. 201.
- ¹⁵ *Пушкарева Г.В.* Общество: механизмы функционирования и развития // *Социально-политический журнал.* 1998. № 1. С. 87–91.
- ¹⁶ *The mind of Napoleon: a selection from his written and spoken words / Ed. H. Christopher.* N.Y., 1956. P. 64.
- ¹⁷ *Головин Н.Н.* Российская контрреволюция 1917–1918 гг.: в 2 т. М., 2011. Т. 1. С. 74, 13–14, 126.
- ¹⁸ *Солоневич И.Л.* Россия и революция. М., 2007.
- ¹⁹ *Даниэлс Р.* Революция, обновление и парадоксы России в XX веке // *Россия на рубеже XXI века: Оглядываясь на век минувший.* М., 2000. С. 95.
- ²⁰ *Пайпс Р.* Россия при большевиках. М., 1997. С. 606.
- ²¹ *Федотов Г.П.* И есть и будет: Размышления о России и революции. Париж, 1932. С. 61.

 ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
BSERVER E-mail: observer@ru.ru

На сайте Вы найдете информацию о печатных и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2012 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD;
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.